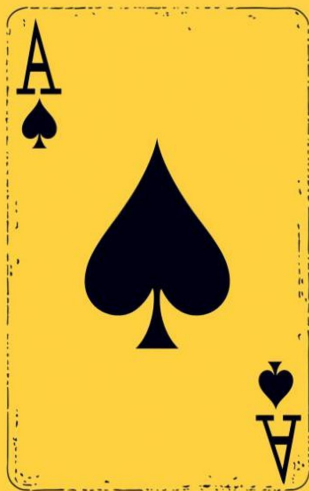

Александр Восьмой

Книга 2. «Кукловод из Полуночной Лавки»

18+

Александр Восьмой

Книга 2. «Кукловод из Полуночной Лавки»

<https://litres.ru/74425889>

SelfPub; 2026

Аннотация

Город-Устье оказался лишь преддверием. Настоящий Разлом открывается через лавку старьёвщика, где вещи помнят своих хозяев — и скупают по ним с голодной нежностью. Окси, самой быстрой из шестерых, первой спускается в подвал лавки и возвращается другой. Она говорит тем же голосом, смеётся тем же смехом, но Оптима замечает: тень Окси отстаёт на полсекунды. Прима, всё ещё не верящая в происходящее, пытается уйти из города — и каждый раз возвращается к той же лавке. Даффи Толстяк, самый невозмутимый из всех, впервые испытывает страх, когда кукла на витрине поворачивает голову и шепчет его имя голосом, которого у неё быть не должно. А Сиринити находит старьёвщика. Или это старьёвщик находит её.

Александр Восьмой

Книга 2. «Кукловод из Полуночной Лавки»

Глава 1. Город-Устье, который не помнит, как умер

Туман в Городе-Устье не стелился по мостовым — он въедался в кожу, оседал на ресницах, шептал забытые имена. Улицы, ещё вчера знакомые до последней выбоины, теперь играли с памятью: за каждым поворотом пряталась одна и та же сцена — дом с резными ставнями, горшок с увядшим плющом на подоконнике, тень, застывшая под крыльцом.

Фаргус первым понял, что город их водит. Он считал шаги: семь, и снова тот же дом. Семь, и снова горшок. Семь, и снова тишина, в которой слышно, как трещит время.

— Нам тут рады, — хмуро бросил Оптима, глядя на витрину лавки, где средихлама тускло поблёскивали стеклянные глаза кукол.

— Нам тут не дают уйти, — тихо поправила Прима, сжимая в пальцах край плаща. Её взгляд метался по переулку, будто искала лазейку в реальность, где нет повторяющихся домов и теней, которые живут дольше людей.

Окси, самая быстрая из них, не стала ждать. Она скользнула в полумрак лавки, будто растворяясь в нём, и исчезла за скрипучей дверью подвала. Вернулась она через минуту —

или через вечность. Та же улыбка, тот же смех, но Оптима вдруг почувствовал, как по спине пробежал ледяной сквозняк: тень Окси отставала на полсекунды, словно не успевала за хозяйкой.

Даффи Толстяк, обычно невозмутимый, застыл перед витриной. Кукла с фарфоровым лицом медленно повернула голову. Её губы не шевелились, но в воздухе прозвучало: «Даффи...» — голосом, который он слышал только в снах, где его звали по имени те, кого давно не было.

Прима рванулась прочь, свернула в переулок, пробежала три квартала, пересекла площадь, где часы показывали разное время на каждой стороне, и снова оказалась перед лавкой. Город возвращал её, как упрямую мысль, от которой не избавиться.

Сиринити стояла у входа. Не то чтобы она искала старьёвщика. Скорее, он уже нашёл её — взглядом из полумрака, тихим шорохом старых вещей, которые помнят своих хозяев и скучают по ним с голодной нежностью.

Лавка приоткрыла дверь. Не приглашая — а констатируя факт: выхода отсюда нет. Есть только Разлом. И он начинается здесь.

Глава 2. Витрина, где вещи смотрят в ответ

Угол, которого вчера не было, теперь казался самым неизбежным местом в мире. Лавка стояла, будто выросла из трещин в брусчатке, а её витрина ловила отражения, которые не

принадлежали этому городу. В стекле мелькали силуэты — не их, чужие: люди, которых никто из шестерых не знал, но которые смотрели на них так, словно давно ждали встречи.

Окси прижалась лбом к холодному стеклу, и её дыхание на миг стерло грань между этим миром и тем, что прятался за ним.

— Они живые, — прошептала она, и в этом шёпоте не было ни удивления, ни восторга — только признание очевидного.

Даффи Толстяк хмыкнул, пытаясь вернуть в голос привычную небрежность:

— Да брось, Окс. Это просто куклы. Пыль да фарфор.

Но кукла в центре витрины медленно повернула голову — и рассмеялась тем же смехом, что только что сорвался с губ Даффи. Звук прокатился по переулку, как эхо, которое пришло раньше голоса.

Фаргус попятился, нащупывая ладонью стену, будто хотел убедиться, что камень ещё настоящий.

— Это не смешно, — пробормотал он.

Прима шагнула вперёд, будто хотела заслонить остальных от витрины, от этого нелепого, невозможного совпадения. Но её тень дрогнула, растянулась на мгновение, и на секунду в её очертаниях мелькнуло что-то чужое — длинное, тонкое, будто у неё выросли крылья из темноты.

Оптиме не сводил глаз с Окс. Она всё ещё прижималась к стеклу, будто пыталась разглядеть что-то за собственным

отражением. И он снова заметил это: тень Окси отставала. На долю секунды. На полсекунды. Ровно настолько, чтобы понять: она уже не совсем та, что была минуту назад.

Карманные часы в витрине показывали 00:00. И стрелка не двигалась. Не потому что сломалась — а потому что время здесь остановилось, чтобы дать вещам возможность говорить.

Сиринити стояла чуть в стороне, не глядя на витрину. Она смотрела на дверь лавки, где в щели между створками мелькнул силуэт — тонкий, неподвижный, будто сотканный из тишины. Старьёвщик не вышел. Он просто дал понять, что видит их. Что ждал.

— Нам нельзя туда заходить, — сказала Прима, но голос её прозвучал так, будто она уговаривала саму себя.

— А мы уже зашли, — тихо ответил Оптима, глядя, как витрина медленно растворяется в сумерках, уступая место тёмному проёму двери.

Лавка распахнулась не скрипом петель, а тишиной, которая поглотила все остальные звуки. И в этой тишине вещи наконец заговорили — не словами, а памятью, голодной и настойчивой, словно каждая из них знала, кого именно она ждала все эти годы.

Глава 3. Тень, которая не успевает

Лестница в подвал лавки была короче, чем должна была быть. Семь ступеней — и темнота, которая не заканчивалась,

а просто начиналась. Окси встала на краю последней ступени, глядя вниз, и её глаза блестели так, как блестят у людей, которые приняли решение раньше, чем осознали его.

— Я первая, — сказала она, и не дожидаясь ответа, шагнула в темноту.

Фаргус рванулся за ней, но Оптима перехватил его за локоть.

— Подожди.

— Она одна там, — выдохнул Фаргус.

— Именно поэтому ждём.

Тридцать секунд. Тишина, в которой слышно было, как бьются сердца. Потом — шаги. Лёгкие, быстрые, те же, что всегда. Окси поднялась по лестнице, улыбаясь той же улыбкой, поправляя прядь той же рукой.

— Там ничего нет, — сказала она тем же голосом. — Просто подвал. Пыль. Старые ящики. Пусто.

И рассмеялась тем же смехом.

Даффи Толстяк выдохнул первым — шумно, с облегчением, будто этот выдох сдерживал с самого начала.

— Ну вот. Я же говорил. Просто подвал.

Оптима не слушал Даффи. Он смотрел на пол. Тень Окси легла на доски с задержкой в полсекунды — будто на мгновение задумалась, куда именно ей упасть. Будто выбирала.

Окси отошла к окну. Тень двинулась следом — позже, чем должна была. Намного позже. Ровно настолько, чтобы Оптима понял: тень больше не принадлежит Окси. Или Окси

больше не принадлежит себе.

Он промолчал. Не потому что не верил своим глазам — а потому что боялся: если он скажет это вслух, тень услышит. И тогда она перестанет притворяться, что отстаёт случайно.

Прима подошла к Окси, заглянула ей в лицо, долго смотрела. Потом отвернулась и тихо произнесла:

— Она в порядке.

Оптима заметил, как Прима сжала кулаки так, что побелели костяшки. Она тоже увидела. Но Прима не умела врать так же хорошо, как тени в этом городе.

Сиринити сидела в углу лавки на старом стуле, который скрипнул при каждом её движении, будто хотел что-то сказать. Она не смотрела на Окси. Она смотрела в точку между ней и её тенью — в ту полсекунды пустоты, где, по всем законам мира, не должно было быть ничего.

А там что-то было.

Фаргус первым нарушил молчание:

— Ладно. Что дальше?

И в этот момент Окси снова рассмеялась. Смех был тот же. Голос был тот же. Но эхо от стен вернулось раньше, чем она открыла рот.

Даффи попятился к двери. Сиринити медленно поднялась со стула. Прима закрыла глаза.

А Оптима наконец понял, что молчание — не защита. Это отсрочка. И тень Окси это знает. Она ждёт, когда он заговорит. И когда он заговорит — она ответит.

— Окси, — сказал он.

Она повернулась. Тень не повернулась.

И в ту половину секунды, пока тень стояла неподвижно, Оптима увидел в ней улыбку, которой у Окси не было.

Глава 4. Дорога, которая сворачивается в кольцо

Рассвет в Городе-Устье не наступал — он просачивался, как вода сквозь гнилые доски. Серый, водянистый, без солнца. Будто город давно проглотил свет и забыл, как его выпустить.

Прима уходила тихо. Не попрощавшись. Не оглянувшись. Рюкзак на плечах, капюшон натянут, шаг быстрый и ровный — так ходят люди, которые знают, куда идут. Она шла на восток, потому что восток был единственным направлением, в котором улица не загибалась назад.

Не загибалась полтора часа.

Потом приметный дом с синими ставнями возник слева. Тот самый. Горшок на подоконнике. Плющ. Трещина в стене, похожая на молнию, замершую на полпути.

Прима остановилась. Сжала челюсть. Развернулась на девяносто градусов и пошла на север. Прямо. Ни разу не свернув.

Через сорок минут — лавка старьёвщика. Витрина. Куклы. Часы на 00:00.

Она побежала. На запад, через пустырь, где трава была такой высокой, что скрывала колени. Бежала, пока лёгкие не

начали гореть. Пока ноги не перестали чувствовать землю.

Лавка.

Оптимист ждал у входа, прислонившись к стене. Он не сказал «я же говорил». Он просто отодвинулся, освобождая место у стены, и Прима опустилась на холодные камни, тяжело дыша.

— Сколько раз? — спросила она, не поднимая глаз.

— Это первый, — ответил Оптимист.

Но за ним из дверного проёма вышел Фаргус. Лицо бледное, глаза воспалённые, будто не спал неделю. Он сел рядом с Примой, обхватил колени руками и тихо произнёс:

— Не первый. Седьмой.

Прима повернулась к нему.

— Что?

— Мы уже ходили. Ты и я. Ты не помнишь, но я помню. Каждый раз. Семь раз мы уходили отсюда — и семь раз вернулись. Первые три я думал, что мы заблудились. На четвёртый я начал считать. На пятый я понял, что город не ломается. На шестой я перестал бояться. А на седьмой я перестал верить, что отсюда можно уйти.

— Почему ты не сказал раньше? — Прима смотрела на него так, будто пыталась разглядеть в его лице трещину, сквозь которую просачивается ложь.

— Потому что первые три раза ты возвращалась и ничего не помнила. Как мне было сказать тебе то, во что ты бы не поверила? Ты бы решила, что я схожу с ума.

— А сейчас? Сейчас ты не думаешь, что сходишь с ума?

Фаргус посмотрел на витрину. Кукла в центре не двигалась. Но её голова была повернута к ним под углом, которого час назад не было.

— Сейчас я думаю, — сказал он медленно, — что безумие — это когда ты ещё пытаешься объяснить. А город не нуждается в объяснениях. Он просто работает.

Даффи Толстяк подошёл, держа в руках палку, которую подобрал где-то на дороге. Воткнул её в землю у порога лавки.

— Если мы снова вернёмся, палка будет здесь. Тогда хотя бы узнаем, реально ли время идёт.

Через два часа они вернулись. Палка стояла. Но на ней появилось семь зарубок, которые никто из них не делал.

Сиринити молча смотрела на зарубки. Потом сказала единственное, что им не хотелось слышать:

— Город не держит нас. Это мы не можем уйти, потому что часть каждого из нас осталась внизу. В подвале. И пока она там — мы будем возвращаться. Не к лавке. К себе.

Окси, стоявшая у витрины, рассмеялась. Тень рассмеялась на полсекунды позже. Но в этот раз Смех тени был громче.

Глава 5. Имя, которого у куклы быть не должно

Ночь в Городе-Устье не наступала — она копилась. Собиралась по углам, как вода в подвале, поднималась от мо-

стовых, заполняла переулки, пока не оставалось ни одного светлого пятна. Тогда куклы в витрине переставали притворяться вещами.

Даффи Толстяк вышел один. Не из храбрости — из упрямства. Он не верил в то, чего нельзя потрогать. Тень Окси? Совпадение. Голос из куклы? Сквозняк. Город, который возвращает? Плохая ориентировка. Даффи верил в то, что можно проверить, а проверка требовала тишины и отсутствия свидетелей.

Он встал перед витриной, засунув руки в карманы, и долго смотрел на куклу в центре. Фарфоровое лицо. Стекланные глаза. Треснутая щека, похожая на высохшее русло реки. Ничего особенного. Вещь как вещь.

— Ну? — сказал он тихо, обращаясь то ли к кукле, то ли к городу, то ли к себе. — Давай. Покажи мне что-нибудь.

Кукла повернула голову.

Не рывком, не медленно — так, как поворачивают голову люди, когда слышат знакомый голос на улице. Естественно. Будто она и не переставала быть живой, просто не считала нужным это показывать.

— Даффи.

Голос был тихий. Тёплый. Чуть охрипший на «ф». Тот самый хрип, который появляется, когда человек долго поёт перед сном и не хочет будить соседей.

Голос его матери.

Даффи знал, что это невозможно. Знал так же точно, как

знал, что улица, по которой он шёл, не может сворачиваться семь раз. Но знание — это рассудок, а голос его матери жил глубже рассудка, в том месте, где память не подчиняется логике, а просто болит.

Ей было бы сейчас сорок три. Она пела колыбельные на незнакомом языке, который Даффи так и не выучил, потому что ей не хватило времени научить его. Она умерла, когда ему было шесть, и с тех пор он не слышал своего имени, произнесённого этим голосом.

Двадцать лет тишины.

И вот.

— Даффи, — повторила кукла, и второе «ф» дрогнуло, будто голос тоже знал, что его не должно быть.

Даффи Толстяк, который не боялся ни тьмы, ни высоты, ни ножа у горла, который смеялся, когда Фаргус дрожал, который хлопал Окси по плечу, когда она возвращалась из подвала другой, — сел на мостовую.

Он сел, потому что ноги перестали держать. Не от страха — от тяжести. Двадцать лет он нёс это молчание, как камень в рюкзаке, привык к его весу, научился ходить ровно. И вдруг камень заговорил.

Он плакал. Беззвучно, по-взрослому, с открытым ртом, из которого не выходило ни звука. Слезы катились по щекам, по подбородку, падали на мостовую между колен.

А кукла плакала вместе с ним.

Слезы у неё были настоящие. Мокрые. Стекали по фар-

форовой щеке, по трещине, и собирались в ямке на подбородке. Стекланные глаза затуманились, будто под ними было что-то живое, что тоже помнило и тоже скучало.

Даффи смотрел на куклу сквозь слёзы, и ему было всё равно, что это ловушка, что так и надо, что город именно этого и ждёт — чтобы он сломался. Он плакал не потому что слабый. Он плакал, потому что впервые за двадцать лет услышал голос, ради которого готов был остаться здесь навсегда.

Где-то позади, в темноте переулка, стоял Фаргус. Он вышел следом за Даффи, но не подошёл ближе. Он видел всё — и молчал, потому что understood: есть слёзы, рядом с которыми нельзя стоять.

А Сиринити, наблюдавшая из окна лавки, тихо произнесла словам, которые услышала только сама:

— Оно не забирает. Оно отдаёт. Возвращает то, что у тебя украли. И ты сам не замечаешь, как платишь за это местом, где когда-то был.

В окне за её спиной мелькнул силуэт старьевщика. Он улыбался. Или это тень улыбалась за него. Уже невозможно было различить.

Глава 6. Подвал, у которого нет дна

Оптима сказал коротко:

— Идём.

Фаргус кивнул. Спорить не хотелось. Спорить вообще не хотелось с того момента, как город перестал слушать слова.

Они встали у края лестницы. Семь ступеней — те самые, что Окси прошла за тридцать секунд. Оптима шагнул первым, потому что кто-то должен, а Фаргус — следом, потому что один спускаться было хуже, чем вдвоём.

На седьмой ступеньке лестница не кончилась. Она продолжалась. Ещё семь. И ещё. И ещё.

Стены поднимались по обе стороны, тесные, каменные, влажные, и на них висели вещи.

Платья. Рубашки. Детские куртки. Игрушки с облупившейся краской. Фотографии в рамках, где лица медленно растворялись, будто воду, в которой их проявили, давно никто не менял. Зеркала, в которых отражались не те, кто в них смотрел.

И каждая вещь шептала.

Не одновременно — по очереди, будто в подвале была своя очередь, свой ритм, своя вежливость. Платье шептало: «Марина». Мяч выцветший, со звездой: «Слава». Ложка серебряная, почерневшая: «Генрих, Генрих, Генрих». Имена звучали так, будто вещи произносили их последний раз и знали это.

Фаргус считал ступеньки. На двадцатой перестал — не потому что сбился, а потому что цифры перестали иметь смысл. На тридцатой услышал, как одна из вещей на стене прошептала его имя. Не «Фаргус». Другое. Детское. То, которым его звали до того, как он вырос и выбрал себе имя посерьёзнее.

Он не обернулся.

На сороковой ступеньке обернулся.

Куртка. Синяя, с оторванной пуговицей на левом кармане, с пятном от травы на локте, которое так и не отстиралось. Его куртка. Та самая, которую он потерял в двенадцать лет — на реке, в августе, когда нырнул в воду и не выплыл обратно в неё. Куртка осталась на берегу. Когда он вернулся — её уже не было. Он думал, её забрал кто-то чужой. Или унесло ветром. Или она просто перестала существовать, как перестают существовать вещи, которые тебе дороги.

Она висела на стене, и она пахла им. Не им сейчас — им тогда. Двенадцатилетним, с ободранными коленками, с запахом речной воды и солнца в ткани.

Куртка шевельнулась. Рукав поднялся — медленно, будто нехотя, будто стесняясь. И потянулся к нему.

Фаргус застыл. Рукав касался его запястья, и ткань была тёплой. Не от подвала — от чего-то другого. От памяти, которая жила в нитках, в швах, в оторванной пуговице, которая помнила, как он теребил её, когда волновался.

— Не трогай, — сказал Оптима, не оборачиваясь. Его голос был ровным, но за ровностью стояло усилие, которое слышно было даже в этом гулком, шепчущем воздухе.

— Она меня помнит, — ответил Фаргус.

— Именно поэтому.

Оптима стоял на пятьдесят второй ступеньке. Лестница продолжала идти вниз. Он смотрел вперёд, в темноту, кото-

рая не была темнотой — она была отсутствием. Отсутствием стен, пола, потолка. Отсутствием дна.

— Фаргус, — позвал он. — Ты чувствуешь?

— Что?

— Тишина. Вещи перестали шептать.

Фаргус прислушался. Правда: имена смолкли. Вещи на стенах больше не говорили. Они слушали. Ждали, что Фаргус возьмёт куртку. Что он наденет её. Что станет тем, кем был. И тогда подвал получит то, что хотел — не вещь, а человека, который согласился вернуться.

Фаргус отдёрнул руку. Рукав куртки медленно опустился, будто вздохнул.

Они продолжили спуск. Ступеньки кончились на семьдесят первой — не потому, что лестница закончилась, а потому что пол исчез. Дальше была пустота. Не темнота — пустота. Ничто. То, что остаётся, когда из мира вынимают всё, кроме голода.

И где-то внизу, в этой пустоте, звучал смех. Смех Окси. Тот же. Но эхо к ним пришло раньше, чем смех.

Оптимист сел на последнюю ступеньку, свесив ноги в ничто.

— Она там, — сказал он.

— Окси?

— Часть её. Та, что осталась, когда она поднялась наверх.

Она там, и она ждёт.

— Ждёт чего?

— Нас. Ждёт, пока мы вспомним что-то, что потеряли. И

потянемся к этому. Как ты потянулся к куртке.

Фаргус молчал долго. Потом спросил:

— А ты? Ты что-то потерял?

Оптима не ответил. Но его рука поднялась и коснулась чего-то невидимого на груди — там, где обычно носят кулон, или медальон, или память о том, что нельзя забыть, потому что забыть — значит умереть.

Внизу, в пустоте, кто-то запел. Тихо. Незнакомую колыбельную на незнакомом языке. И Фаргус вдруг понял, что этот язык он знает — знал когда-то, очень давно, в другой жизни, которая тоже осталась где-то на стене этого подвала, среди вещей, которые помнят.

Глава 7. Старьёвщик, который нашёл Сиринити

Сиринити не шла к лавке. Она шла к фонтану — к тому, что когда-то было фонтаном, а теперь было просто ямой в мостовой, где вода стояла зеркалом, чёрным и неподвижным. Она шла туда, потому что ноги несли. Не по своей воле — по воле города, который перестал спрашивать разрешения.

Старьёвщик сидел на скамейке у фонтана.

Не ждал — ожидал. Разница в том, что ждущий смотрит по сторонам, а ожидающий смотрит внутрь. Он был сутулый, узкий, с длинными пальцами, на каждом из которых поблёскивало кольцо, но не украшение — скорее печать, будто каждое палец было запечатан, чтобы не выпустить что-то нару-

жу. Его глаза отражали не то, на что смотрели. В них не было ни фонтана, ни Сиринити, ни неба. В них были вещи. Тысячи вещей, крошечных, отражённых, живых. Будто его глаза — две витрины, набитые памятью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.